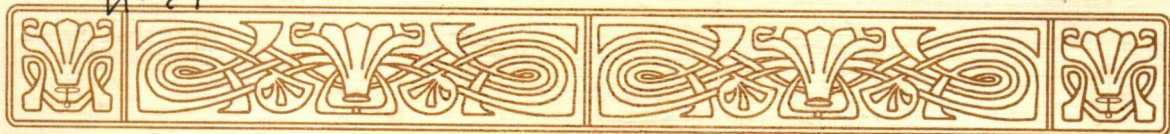

Op 72.9
H-21

ИНСТИТУТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО - 10 ЛЕТ

Op 72.9

И 71

Op 72.92

12.4 (2Рос) 713

+83.3 (4Укр) 5-8 Шиб

7500

**НИИ «ИНСТИТУТ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО -
ЦЕНТР ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ
ОРЕНБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

*Дорогой мой сердцу
Библиотеке чч. Крупской
сердечно*

Болотин

14 2003

**ИНСТИТУТУ
ТАРАСА ШЕВЧЕНКО - 10 ЛЕТ**

а-277323
12
16 0

ОРЕНБУРГ - 2003

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

«КАРАВАН-САРАЙ»: КАК ЕГО СТРОИЛИ

Комплекс Караван-Сарая - один из четырех памятников архитектуры республиканского значения, имеющих в Оренбурге. В последние десятилетия он стал в определенной степени символом города. Любовались им многие известные и знаменитые люди, он неизменно привлекал внимание приезжавших в Оренбург, и нет, пожалуй, путевых заметок середины и второй половины XIX в., где бы он не упоминался. Нет, разумеется, и справочной или краеведческой литературы, где комплекс оказался бы опущенным.

Специальная работа посвящена Караван-Сараю архитектором Б.Г. Калимуллиным. В ней сказано все, или почти все, об архитектуре Караван-Сарая и ее достоинствах. Более сжато освещена история постройки комплекса. Недавние разыскания позволяют сделать в этом плане ряд дополнений, рассеять некоторые заблуждения.

Тем, что мы можем любоваться Караван-Сараем, его мечетью со стройным минаретом, мы обязаны прежде всего генерал-адъютанту Василию Алексеевичу Перовскому, Оренбургскому военному губернатору в 1833-1842 гг. и генерал-губернатору Оренбургскому и Самарскому в 1851-1857 гг. Человек инициативный, широко, государственно мыслящий, он большое внимание уделял Башкирии. Одним из предметов его забот было башкиро-мещеряцкое войско, управление которым находилось в Оренбурге. Поэтому необходимо сказать о нем несколько слов.

Начало башкиро-мещеряцкому войску было положено в 1798 г., когда из башкир Оренбургской, Самарской, Уфимской, Вятской и Пермской губерний было сформировано иррегулярное войско, делившееся на 12 кантонов. После Отечественного войны 1812 г. к этому войску присоединили еще мещеряков (Мещеряки или мишари - большинство исследователей склонно видеть в них подвергшуюся туркизации мещеру (народность финно-угорского происхождения), говорят на диалекте татарского языка, в настоящее время сливаются с татарами), составлявших до этого отдельное войско. Они образовали сначала 4, затем 5 кантонов. Таким образом башкиро-мещеряцкое войско делилось на 17 кантонов.

Башкирам и мещерякам часто приходилось приезжать в Оренбург по службе и по своей надобности. При этом возникали сложности с квартированием. Как писал в циркулярном письме В.А. Перовский, они «не имеют никакого пристанища в городе, принуждены бывают останавливаться порознь в разных частях города и слободок, по дворам знакомых, или даже нередко платить за прошивку на постоянных дворах». Военный губернатор решил «в отвращение этого неудобства» наслоить для них постоянный двор или караван-сарай, где они могли бы останавливаться бесплатно.

План его был, однако, гораздо шире. Предусматривалось поместить там же управление войском, училище для башкирских мальчиков (Под названием «башкиры» часто имелись в виду и мещеряки. Так, например, караван-сарай назывался башкирским, хотя был в ведении башкиро-мещеряцкого войска), соответствующие службы. При караван-сараях следовало иметь также войсковую мечеть. Таким образом, караван-сарай должен был служить не только простым пристанищем для башкир и мещеряков, но и местом, где укреплялись бы связи с Башкирией, налаживались бы более тесные контакты. Цели были, однако, еще шире.

В те годы правительство стремилось привлечь на сторону России народы Средней Азии, исповедовавшие ислам. Это в большой степени стимулировалось необходимостью противостоять стремлению Великобритании проникнуть в этот район. Одной из мер привлечения среднеазиатских народов было проявление заботы о своих подданных мусульманах.

К осуществлению задуманного В.А. Перовский приступил весной 1836 г., начав с обеспечения строительства финансами. Специальных ассигнований не выделялось, но по «Высочайшей воле» в распоряжение военного губернатора предоставлялся в виде «экстраординарной суммы» т.н. капитал от лесных опера-

ций, а именно, доходы от продажи поташа и шадрика /не переваренный поташ/, башкирских лесных изделий, леса. Эти доходы шли через башкиро-мещеряцкое войско. Кроме того, на строительство направлены были деньги за перевозку «почт и эстафет» по оренбургской линии, собиравшиеся с содержателей почтовых станций через Оренбургскую почтовую контору. Все эти средства шли на строительство зданий Караван-Сарая.

Для строительства войсковой мечети, которую имелось в виду сделать достаточно репрезентативной и, следовательно, хорошенько украсить, средств из указанных источников могло не хватить. Поэтому решено было обратиться к башкирам и мещерякам с приглашением делать пожертвования.

21 апреля 1836 г. В.А. Перовский дал поручение приписанному к башкиро-мещеряцкому войску мулле из Нижних Чепеньков Абдулле Давлетшину, татарину по национальности, отправиться на сбор пожертвований в башкирские и мещеряцкие кантоны. В предписании этом сказано: «Считая полезным и нужным присоединить к имеющемуся со временем выстроенному в Оренбурге Башкирскому Караван-Сараю или постоянному двору каменную соборную мечеть, предписываю я тебе отправиться и объехать все Башкирские Мещеряцкие кантоны, объявлять и разглашать о изменении моем и собирать добровольные пожертвования единоверцев своих на построение помянутой мечети... При сборе денег сих на построение соборной мечети запрещается употреблять малейшее понуждение со стороны твоей или старании и кантонных начальников, тебе же собственно, как духовному чину, представляется возбуждать убеждением Пропать зажиточных мусульман для содействия к этой общепольной и Богоугодной цели». Мулле были вручены шнуровые книги для записи жертвователей и сумм.

Предварительно, 20 апреля 1836 г., В.А. Перовский обратился к начальникам башкирских и мещеряцких кантонов с письмом, набранным в типографии, где сообщал о предполагаемом строительстве и добавлял, что намерен «воздвигнуть, тут же войсковую соборную каменную мечеть дабы дать, приезжающим сюда мусульманам все средства к точному соблюдению и исполнению обрядов их исповедания», и далее, говоря о пожертвованиях, добавлял: «Во избежание всяких неуместных толков, не излишним считаю еще присовокупить, что приношения эти совершенно зависят от воли каждого мусульманина и что никаких понуждений в этом отношении со стороны старшин и начальников делать не следует».

Сначала проект Караван-Сарая был заказан архитектору Казанского университета М. Коринфскому. Заказ шел через попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина. Предварительно договорившись с ним, В.А. Перовский 15 сентября 1836 г. отослал Мусину-Пушкину т.н. «программу» (по современному АПЗ) с сопроводительным письмом. Во введении к программе комплекс характеризуется следующим образом: «дом для войсковой канцелярии башкирского войска, мечеть с минаретом, помещение для приезжающих в Оренбург башкирских чиновников и нижних чинов, мастерские. Все эти строения должны быть, каменные, и назначение их заставляет желать, чтобы наружная архитектура приближалась сколь возможно к азиатскому вкусу». В программе указаны все необходимые помещения. О мечети говорится, что она может быть решена как отдельно стоящее строение или «войти в связь с другими».

Из программы видно, что комплекс сначала собирались строить внутри крепости, выбрав для него место на Атаманском переулке (ныне Дмитриевский). Отсутствие прилагавшегося плана не позволяет точно определить место, где собирались строить. Наиболее вероятным представляется квартал, находящийся к северу от улицы М. Горького и ограниченный с востока Южным переулком. Квартал, который расположен к югу от ул. М. Горького, представляется менее вероятным, поскольку он подходил прямо к Преображенскому собору, и мечеть оказалась бы в непосредственной близости от него. По длине место отводилось в 56 саж. (около 120 м), то есть почти половина квартала.

Главный фасад должен был выходить на Атаманский переулок. Казарма для приезжающих башкир и мещераков должна была вмещать до 20 чиновников, помещаемых «по два и более человек» в каждой комнате; для нижних же чинов предусматривалось иметь одну или две больших комнаты, вместимостью до 100 человек. При казарме полагалась общая кухня.

Спустя три недели, 6 октября 1836 г., аналогичная программа была послана архитектору А.П. Брюллову, другу В.А. Перовского. Не вполне ясно, почему именно в это время был сделан второй заказ, так как результаты первого еще не были известны. Был только получен положительный ответ из Казани от 23 сентября, где Мусин-Пушкин сообщал о передаче программы архитектору М. Коринфскому и о том, что через две недели эскизный проект будет доставлен Перовскому. Быть может Василий Алексеевич сначала не хотел навязывать своему другу работу, да и не очень надеялся на ее исполнение? Само письмо Перовского Брюллову только в определенной мере проясняет вопрос. Нельзя, конечно, исключить и возможность, что В.А. Перовский к 6 октября уже имел какие-то сведения о работе Коринфского, и она его не удовлетворяла. Скорее же всего, что он просто по-человечески решил на всякий случай попросить и своего друга. Времени-то терять не хотелось. Вот текст письма: «Любезнейший Александр! Вспомни старую дружбу нашу и займись, пожалуйста, без отлагательства составлением проекта по предлагаемой программе. Я затеял строить здесь караван-сарай; это дело меня весьма интересует. Хочется начать с наступлением весны; ради Бога не мешай. Я уверен твердо в твоём знании и вкусе, но крепко сомневаюсь в прилежании: ты мне обещал много, да сдержал мало. Не в поощрение тебе, а просто к сведению, скажу тебе, что постройка караван-сарая есть затея не моя частная, а казенная, а потому труды по составлению сметы, перечерчению планов и проч. будут вознаграждены по-надлежащему. Задача довольно трудная, быть может, по ограниченности места, но если бы сажени слишком стесняли твоё зодческое воображение, то делай, как знаешь, а я постараюсь приискать место по твоему плану. Обнимаю тебя. Можешь ли ты приготовить дело в шесть недель после получения этого письма? Ты бы меня обязал чрезвычайно. Душевно тебе преданный Василий Перовский.» Отсутствие упоминания о том, что аналогичный заказ сделан и архитектору Коринфскому, со значительной степенью уверенности можно объяснить убежденностью В.А. Перовского в превосходстве таланта А.П. Брюллова; в случае выполнения им заказа можно было бы достаточно обоснованно отказаться от принятия проекта Коринфского.

Проект Коринфского был отправлен из Казани 27 октября. Рассмотрев проект, В.А. Перовский 10 ноября пишет М.П. Мусину-Пушкину, что не вполне удовлетворен им. Среди прочих замечаний он указывает на несоответствие характера здания его назначению, подчёркивая, что «даже мечеть слишком похожа на христианский храм». Перовский предложил составить новый проект, при этом он добавил о намерении строить комплекс вне города, что даёт свободу архитектуре в его творчестве.

А.П. Брюллову письмо об изменении первоначального решения было отправлено раньше, ещё 3 ноября. В.А. Перовский написал его, вероятно, уже получив пакет из Казани и оценив возможности архитектора, поскольку оно носит ещё более конкретный характер, чем первое. Военный губернатор пишет, что с тех пор, как он послал первое письмо с программой «на построение в Оренбурге башкирской военной канцелярии и проч.», он несколько изменил условия: «Я подумал, пишет Перовский, - что было бы бесовестно стеснять твой талант в подобном предприятии, назначая ему число сажень, на которых он имеет право развернуться. Я решил этот дом строить за городом: места - сколько душе угодно; одного только не теряй из виду: мечеть должна быть по означенному на плане направлению. Материалы здесь дешёвые, но чрезвычайно дороги рабочие и особенно мастера; в этом отношении прошу тебя сообразности возможную экономию. Если бы ты потрудился дело устроить так, чтобы в бытность мою в Петербурге мог я представить план государю в начале января, то я бы тебя от всей души поцеловал точно так, как теперь обнимаю. В. Перовский». А.П.

Брюллов выполнил просьбу друга. Проект был завершён вовремя, и В.А. Перовский, приехав в Петербург, представил его императору, который утвердил его 19 января 1837 г.

Принято считать, что Караван-Сарай начали строить летом 1837 года. Таково было и намерение В.А. Перовского, как видно из писем. Проведённое недавно изучение документов показывает, что строительство началось на год позже. Распоряжение № 1449 старшему корпусному инженеру о постройке Караван-Сарая датировано 29 мая 1838 г. Ничего удивительного в такой отсрочке нет. Прежде чем начинать строительство, следовало заготовить определённое количество стройматериалов, а главное, обеспечить строительство средствами. Источники финансирования, о которых говорилось, были определены, но необходимо было, очевидно, эти доходы ещё получить, так как, исключая деньги за перевозку «почт и эстафет», поступавшие по третям года, всё остальное связано было с доходом от продажи товара. То есть сначала требовалось не только произвести, но и продать. По составленной А.П. Брюлловым смете на строительство требовалось 804914 руб.

Другой, сравнительно меньший источник средств - пожертвования, собиравшиеся на войсковую мечеть, - тоже не мог сразу дать всю возможную сумму. Мулла Абдулла Давлетшин закончил объезд башкирских и мещерацких кантонов только к осени 1838 года. Вне поля его деятельности остались только три юрта (деревни) 11-го башкирского кантона, так как были слишком удалены, и поездка туда не окупилась бы. Всего им было собрано в пересчёте на ассигнации 15895 р. 95 коп. По окончании сбора, в октябре 1838 г., мулла Давлетшин получил от В.А. Перовского вознаграждение в сумме 500 рублей.

Пожертвования на мечеть поступали и из Внутренней орды (также Букеевская орда), начало которой было положено в 1801 г. мартовским указом императора Павла I, разрешившего султану Букее переокладывать с подвластными ему родами в междуречье Урала и Волги. Кочевья находились к югу от 50-й параллели.

Правитель орды, хан Джангер (есть и написание Джангир), сам предложил личное пожертвование, за что В.А. Перовский его поблагодарил и в письме от 18 июля 1837 г. попросил его «не оставить предложить и в подвластной Вам орде подписку для приглашения желающих к добровольным пожертвованиям на этот Богоугодный предмет». Из орды основная сумма поступила в июле 1838 г. Собрано было в 12 казахских родах 8703 р. золотой и серебряной монетой, 1500 из них пожертвовал сам Джангер. В июне следующего года хан Джангер прислал ещё 808 р. 90 коп., пожертвованные на весенних ярмарках 1838 и 1839 г. в ханской ставке приезжими мусульманами. Всего из Внутренней орды поступило, таким образом 9512 р. 90 коп. золотой и серебряной монетой. В документах, к сожалению, не указано в каком исчислении дана сумма - серебром или в пересчёте на ассигнации (по курсу того времени 1 руб. серебром равнялся около 3,5 руб. ассигнациями). Судя по отсутствию дробных чисел в копейках, можно предположить, что сумма дана в ассигнациях.

В.А. Перовскому удалось сократить сметную стоимость строительства Караван-Сарая. В строительстве использовались материалы из «хозяйственного заготовления» по ценам обошедшимся казне. Об этом он уведомил главного корпусного инженера в упомянутом распоряжении № 1449, определив на строительство 320000 руб. ассигнациями.

Основные материалы хозяйственного заготовления лес, кирпич, гребенской и маячный камень, известь, уголь. На перевозку этих материалов и на все черные работы назначались команды из башкир и мещераков.

Главные строительные работы были произведены за три строительных сезона 1838, 1839, 1840 годов. За это время на всех работах перебивало 7181 человек - башкир и мещераков, около 2/3 из них конных. Им выдано 5191 руб. 50 коп. ассигнациями. В 1841 г. оставалось достроить только часть верхнего этажа основного корпуса.

Мечеть с минаретом потребовали более длительного периода строительства, имея в виду главным образом отделку интерьера мечети. Хотя указывается, что все строительные работы по Караван-Сараю были завершены в 1844 г., касается

это, очевидно, только всех наружных работ. Мечеть была освящена в августе 1846 г., поскольку отделочные работы шли, очевидно, и после 1844 г.

Ко времени окончания основных строительных работ поступление денег из главных источников на начало 1842 г. выразилось следующими цифрами: от продажи поташа и шадрика - 19360 р. 26 1/7 коп. серебром, от продажи лесных изделий - 17528 р. 77 4/7 коп. серебром, за общественный лес - 1102 р. 52 6/7 коп. серебром. Деньги за перевозку «почт н эстафет», поступающие по третям года, в этот же период составляли по 2 и даже 3 тысячи ассигнациями в каждую треть. Например, за январскую и майскую трети 1838 г. было получено 3396 р. 16 коп. и 3470 р. 67 коп. соответственно; за январскую треть 1840 г. - 2342 р. 28 коп.; за январскую и майскую трети 1841 г. сумма оказалась почти одинаковой (округлено 2552 и 2554 р. ассигнациями).

На февраль 1845 г. всего было израсходовано 84295 р. 41 1/4 коп. серебром. В пересчете на ассигнации это составит около 295034 р., то есть предварительно определенная В.А. Перовским сумма не была превышена. Расходы оказались почти в три раза меньше предусмотренных по смете А.П. Брюллова, поскольку он рассчитывал все по общепринятым тогда ценам и расценкам. Значительную роль сыграло, видимо, и то, что башкирам и мецгерякам платили меньше, чем обычным наемным рабочим.

Самыми большими были, конечно, затраты на мечеть и минарет, уже потому, что для производства работ требовались мастера высокой квалификации, как строители так и отделочники. Мастеров приходилось приглашать и из других губерний. Так, например, летом 1844 г. В.А. Обручев, сменивший В.А. Перовского на посту военного губернатора, обращается в Арзамас с просьбой прислать мастеров, согласных «за умеренную цену» вызолотить разные украшения для мечети. На внутреннюю позолоту ее ушло 1000 р. серебром.

Еще два примера, связанные с отделкой мечети. Шпили на мечети и минарете заказывались в Москве. Сами шпили железные, а полумесяцы медные. Они обошлись 185 р. 713/7 коп. серебром. Самой значительной была затрата на хрустальную люстру на 72 свечи. Она обошлась в 1075 р. серебром. Кроме нее купили 8 стеновых подсвечников на 4 свечи каждый. Все это заказывалось В.А. Перовским в Петербурге в английском магазине «Никольс и Плинк» и обошлось вместе с запасным хрусталем в 1549 р. серебром. Ценность последней покупки можно лучше осознать, если обратить внимание на то, что всем работавшим на строительстве Караван-Сарая башкирам и мецгерякам за упомянутых уже три года (1838-1840) выдано в пересчете на серебро 1483 р. 28 коп. Поскольку им платили очень мало, можно привести и пример жалованья: мulla этой мечети получал 100 р. серебром в год. Думается, не будь жертвований, такие траты вряд ли были бы возможны.

Непосредственное руководство работами осуществляли поенные инженеры Оренбургского отдельного корпуса; должность старшего инженера в период строительства исполняли подполковники Шарон и затем Тафаев. В распоряжении главному корпусному инженеру В.А. Перовскому предписывает поручить постройку «в искусственном и хозяйственном отношении поручику Синькову», надзор же за «правильностью, прочностью и чистотой в отделке» поручался архитектору Уральского войска Гоппусу. (Последний больше, по-видимому, находился в Оренбурге, чем в Уральске. Ему поручался проект перестройки Вознесенской церкви в Гостином дворе; по его проекту строился дом военного губернатора, сейчас Советская, 2; предположительно по его же проекту построено и здание, где помещается краеведческий музей). В.А. Перовский также сообщает главному инженеру, что будущее здание по его приказанию «увеличено в длину и широту на два окна, для увеличения двора». Таким образом он оказался ко всему прочему и соавтором проекта, пусть даже в самой малой степени, а основное здание стало примерно на 5 метров длиннее по каждой из своих сторон.

Завершая разговор о строительных работах по Караван-Сараю, можно отметить, что состав строивших, руководивших и других, близко причастных к строительству, многонационален. Например, закупку спилов для мечети и минарета сделал

командир сводного казачьего полка отдельного Оренбургского корпуса подполковник Назаров 2-й у московского купца Макарухина. Кроме упомянутых башкир и мецгеряков, которые составляли большинство, на строительстве были заняты и представители других национальностей. Непосредственно на строительных и отделочных работах заняты были, очевидно, преимущественно русские мастера.

АРХИТЕКТУРА

Комплекс Караван-Сарая состоит из основного корпуса, мечети и минарета; к основному корпусу с двух противоположных сторон примыкают хозяйственные пристройки, называемые «черными дворами», где были конюшни, амбары, погреб.

Главный корпус имеет внутренний двор, полуоткрытый с одной стороны. В центре двора и одновременно на главной оси симметрии комплекса находится мечеть. На этой же оси, имеющей направление с северо-северо-востока на юго-юго-запад, со стороны въезда во двор поставлен минарет. Мечеть с минаретом ориентированы на Мекку. Соответственно ориентирован и весь комплекс. Выходящий на северо-северо-восток фасад самый протяженный. Его длина составляет 86 м 22 см. Ширина этого корпуса около 10 м. Оба примыкающие к нему крыла имеют длину 49 м 46 см и ширину 16 м. Объемы с южной стороны имеют длину 25 м 62 см и ширину 10 м 90 см. Высота главного корпуса до крыши 8 м 50 см.

Мечеть восьмиугольная в плане, 4 из ее граней параллельны стенам корпуса, поперечник - 12 м 79 см, высота от фундамента до верха купола 18 м 90 см. Минарет высотой 38 м 76 см.

О достоинствах и особенностях Караван-Сарая хорошо и подробно рассказал в своей работе «Караван-Сарай в г. Оренбурге» архитектор Барый Гибатович Калимуллин. Он выделяет как самое главное и наиболее ценное ансамблевое качество - «соразмерность отдельных частей комплекса, стройность общего силуэта, согласованность всей композиции». По форме здания сильно отличаются, но они соподчинены и дополняют друг друга. Хорошо сказано о развитии композиции в высоту: «С низких, горизонтально протяженных стен хозяйственных пристроек взгляд переходит к стенам основного здания и угловым башенкам над крышей, следует выше к куполу мечети, затем поднимается к минарету, его конусному завершению, шпилю и, наконец, уходит в необъятный простор неба».

Анализируя архитектурный образ Караван-Сарая, К.Г. Калимуллин приходит к заключению, что в нем отражена схема летнего башкирского аула. Ассоциацию с аулом усиливают возвышающиеся над крышей угловые башенки, которые напоминают легкие летние юрты.

Интерьеры основного корпуса предельно просты, никакой пышности нет и у фасадов. А.П. Брюллов полностью учел замечание В.А. Перовского о том, что мастера в Оренбурге редки и они очень дороги. Прямоугольные окна фасадов, как внешних так и дворовых, заглублены в ниши, имеющих трехлепестковые или килевидные арки. Это решение придает зданию восточный колорит. Внешние углы здания выделены сужающимися кверху ризалитами, каждый из которых завершен башенкой. Переход к ней решен расширяющимся кверху стилизованным фризом. Ризалиты с башенками расположены парно и выделяют также вход во внутренний двор.

Центральный элемент комплекса мечеть. Ее восьмиугольная форма необычна. В этой связи вполне обоснованным представляется объяснение, данное Б.Г. Калимуллиным в упомянутой работе, что А.П. Брюллов стремился придать мечети форму тирме (войлочная кибитка, юрта; ставилась как жилище старейшины в центре летнего башкирского аула). Об этом говорит не только общее сходство силуэтов и лаконичность архитектуры, но и отсутствие такого обязательного элемента здания, как михраб (молитвенная ниша, указывающая направление на Мекку, решается обычно апсидой - полуцилиндрический или многогранный выступ здания, которому внутри соответствует большой запад или ниша).

Главный фасад должен был выходить на Атаманский переулок. Казарма для приезжающих башкир и мещераков должна была вмещать до 20 чиновников, помещаемых «по два и более человек» в каждой комнате; для нижних же чинов предусматривалось иметь одну или две больших комнаты, вместимостью до 100 человек. При казарме полагалась общая кухня.

Спустя три недели, 6 октября 1836 г., аналогичная программа была послана архитектору А.П. Брюллову, другу В.А. Перовского. Не вполне ясно, почему именно в это время был сделан второй заказ, так как результаты первого еще не были известны. Был только получен положительный ответ из Казани от 23 сентября, где Мусин-Пушкин сообщал о передаче программы архитектору М. Коринфскому и о том, что через две недели эскизный проект будет доставлен Перовскому. Быть может Василий Алексеевич сначала не хотел навязывать своему другу работу, да и не очень надеялся на ее исполнение? Само письмо Перовского Брюллову только в определенной мере проясняет вопрос. Нельзя, конечно, исключить и возможность, что В.А. Перовский к 6 октября уже имел какие-то сведения о работе Коринфского, и она его не удовлетворила. Скорее же всего, что он просто по-человечески решил на всякий случай попросить и своего друга. Времени-то терять не хотелось. Вот текст письма: «Любезнейший Александр! Вспомни старую дружбу нашу и займись, пожалуйста, без отлагательства составлением проекта по предлагаемой программе. Я затеял строить здесь караван-сарай; это дело меня весьма интересует. Хочется начать с наступлением весны; ради Бога не мешай. Я уверен твердо в твоём знании и вкусе, но крепко сомневаюсь в прилежании: ты мне обещал много, да сдержал мало. Не в поощрение тебе, а просто к сведению, скажу тебе, что постройка караван-сарая есть затея не моя частная, а казенная, а потому труды по составлению сметы, перечерчению планов и проч. будут вознаграждены по-надлежащему. Задача довольно трудная, быть может, по ограниченности места, но если бы сажени слишком стесняли твоё зодческое воображение, то делай, как знаешь, а я постараюсь прискаты место по твоему плану. Обнимаю тебя. Можешь ли ты приготовить дело в шесть недель после получения этого письма? Ты бы меня обязал чрезвычайно. Душевно тебе преданный Василий Перовский.» Отсутствие упоминания о том, что аналогичный заказ сделан и архитектору Коринфскому, со значительной степенью уверенности можно объяснить убежденностью В.А. Перовского в превосходстве таланта А.П. Брюллова; в случае выполнения им заказа можно было бы достаточно обоснованно отказаться от принятия проекта Коринфского.

Проект Коринфского был отправлен из Казани 27 октября. Рассмотрев проект, В.А. Перовский 10 ноября пишет М.П. Мусину-Пушкину, что не вполне удовлетворен им. Среди прочих замечаний он указывает на несоответствие характера здания его назначению, подчеркивая, что «даже мечеть слишком похожа на христианский храм». Перовский предложил составить новый проект, при этом он добавил о намерении строить комплекс вне города, что дает свободу архитектору в его творчестве.

А.П. Брюллову письмо об изменении первоначального решения было отправлено раньше, еще 3 ноября. В.А. Перовский написал его, вероятно, уже получив пакет из Казани и оценив возможности архитектора, поскольку оно носит еще более конкретный характер, чем первое. Военный губернатор пишет, что с тех пор, как он послал первое письмо с программой «на построение в Оренбурге башкирской военной канцелярии и проч.», он несколько изменил условия: «Я подумал, пишет Перовский, - что было бы бесовестно стеснять твой талант в подобном предприятии, назначая ему число сажен, на которых он имеет право развернуться. Я решил этот дом строить за городом: места - сколько душе угодно; одного только не теряй из виду: мечеть должна быть по означенному на плане направлению. Материалы здесь дешевы, но чрезвычайно дороги рабочие и особенно мастера; в этом отношении прошу тебя сообразности возможную экономию. Если б ты потрудился дело устроить так, чтобы в бытность мою в Петербурге мог я представить план государю в начале января, то я бы тебя от всей души поцеловал точно так, как теперь обнимаю. В. Перовский». А.П.

Брюллов выполнил просьбу друга. Проект был завершен вовремя, и В.А. Перовский, приехав в Петербург, представил его императору, который утвердил его 19 января 1837 г.

Принято считать, что Караван-Сарай начали строить летом 1837 года. Таково было и намерение В.А. Перовского, как видно из писем. Проведенное недавно изучение документов показывает, что строительство началось на год позже. Распоряжение № 1449 старшему корпусному инженеру о постройке Караван-Сарая датировано 29 мая 1838 г. Ничего удивительного в такой отсрочке нет. Прежде чем начинать строительство, следовало заготовить определенное количество стройматериалов, а главное, обеспечить строительство средствами. Источники финансирования, о которых говорилось, были определены, но необходимо было, очевидно, эти доходы еще получить, так как, исключая деньги за перевозку «пocht и эстафет», поступавшие по третям года, все остальное связано было с доходом от продажи товара. То есть сначала требовалось не только произвести, но и продать. По составленной А.П. Брюлловым смете на строительство требовалось 804914 руб.

Другой, сравнительно меньший источник средств - пожертвования, собиравшиеся на войсковую мечеть, - тоже не мог сразу дать всю возможную сумму. Мулла Абдулла Давлетшин закончил объезд башкирских и мещерацких кантонов только к осени 1838 года. Вне поля его деятельности остались только три юрта (деревни) 11-го башкирского кантона, так как были слишком удалены, и поездка туда не окупилась бы. Всего им было собрано в пересчете на ассигнации 15895 р. 95 коп. По окончании сбора, в октябре 1838 г., мулла Давлетшин получил от В.А. Перовского вознаграждение в сумме 500 рублей.

Пожертвования на мечеть поступали и из Внутренней орды (также Букеевская орда), начало которой было положено в 1801 г. мартовским указом императора Павла I, разрешившего султану Букею перекочевать с подвластными ему родами в междуречье Урала и Волги. Кочевья находились к югу от 50-й параллели.

Правитель орды, хан Джангер (есть и написание Джангир), сам предложил личное пожертвование, за что В.А. Перовский его поблагодарил и в письме от 18 июля 1837 г. попросил его «не оставить предложить и в подвластной Вам орде подписку для приглашения желающих к добровольным пожертвованиям на этот Богоугодный предмет». Из орды основная сумма поступила в июле 1838 г. Собрано было в 12 казахских родах 8703 р. золотой и серебряной монетой, 1500 из них пожертвовал сам Джангер. В июне следующего года хан Джангер прислал еще 808р. 90 коп., пожертвованные на весенних ярмарках 1838 и 1839 г. в ханской ставке приезжими мусульманами. Всего из Внутренней орды поступило, таким образом 9512 р. 90 коп. золотой и серебряной монетой. В документах, к сожалению, не указано в каком исчислении дана сумма - серебром или в пересчете на ассигнации (по курсу того времени 1 руб. серебром равнялся около 3,5 руб. ассигнациями). Судя по отсутствию дробных чисел в копейках, можно предположить, что сумма дана в ассигнациях.

В.А. Перовскому удалось сократить сметную стоимость строительства Караван-Сарая. В строительстве использовались материалы из «хозяйственного заготовления» по ценам обошедшимся казне. Об этом он уведомил главного корпусного инженера в упомянутом распоряжении № 1449, определив на строительство 320000 руб. ассигнациями.

Основные материалы хозяйственного заготовления лес, кирпич, гребенской и маячный камень, известь, уголь. На перевозку этих материалов и на все черные работы назначались команды из башкир и мещераков.

Главные строительные работы были произведены за три строительных сезона 1838, 1839, 1840 годов. За это время на всех работах пребывало 7181 человек - башкир и мещераков, около 2/3 из них конных. Им выдано 5191 руб. 50 коп. ассигнациями. В 1841 г. оставалось достроить только часть верхнего этажа основного корпуса.

Мечеть с минаретом потребовали более длительного периода строительства, имея в виду главным образом отделку интерьера мечети. Хотя указывается, что все строительные работы по Караван-Сараю были завершены в 1844 г., касается

это, очевидно, только всех наружных работ. Мечеть была освящена в августе 1846 г., поскольку отделочные работы шли, очевидно, и после 1844 г.

Ко времени окончания основных строительных работ поступление денег из главных источников на начало 1842 г. выразилось следующими цифрами: от продажи поташа и шадрика - 19360 р. 26 1/7 коп. серебром, от продажи лесных изделий - 17528 р. 77 4/7 коп. серебром, за общественный лес - 1102 р. 52 6/7 коп. серебром. Деньги за перевозку «почт н эстафет», поступающие по третям года, в этот же период составляли по 2 и даже 3 тысячи ассигнациями в каждую треть. Например, за январскую и майскую трети 1838 г. было получено 3396 р. 16 коп. и 3470 р. 67 коп. соответственно; за январскую треть 1840 г. - 2342 р. 28 коп.; за январскую и майскую трети 1841 г. сумма оказалась почти одинаковой (округлено 2552 и 2554 р. ассигнациями).

На февраль 1845 г. всего было израсходовано 84295 р. 41 1/4 коп. серебром. В пересчете на ассигнации это составит около 295034 р., то есть предварительно определенная В.А. Перовским сумма не была превышена. Расходы оказались почти в три раза меньше предусмотренных по смете А.П. Брюллова, поскольку он рассчитывал все по общепринятым тогда ценам и расценкам. Значительную роль сыграло, видимо, и то, что башкирам и мещеракам платили меньше, чем обычным наемным рабочим.

Самыми большими были, конечно, затраты на мечеть и минарет, уже потому, что для производства работ требовались мастера высокой квалификации, как строители так и отделочники. Мастеров приходилось приглашать и из других губерний. Так, например, летом 1844 г. В.А. Обручев, сменивший В.А. Перовского на посту военного губернатора, обращается в Арзамас с просьбой прислать мастеров, согласных «за умеренную цену» вызолотить разные украшения для мечети. На внутреннюю позолоту ее ушло 1000 р. серебром.

Еще два примера, связанные с отделкой мечети. Шпили на мечети и минарете заказывались в Москве. Сами шпили железные, а полумесяцы медные. Они обошлись 185 р. 713/7 коп. серебром. Самой значительной была затрата на хрустальную люстру на 72 свечи. Она обошлась в 1075 р. серебром. Кроме нее купили 8 стальных подсвечников на 4 свечи каждый. Все это заказывалось В.А. Перовским в Петербурге в английском магазине «Никольс и Плинке» и обошлось вместе с запасным хрусталем в 1549 р. серебром. Ценность последней покупки можно лучше осознать, если обратить внимание на то, что всем работавшим на строительстве Караван-Сарая башкирам и мещеракам за упомянутых уже три года (1838-1840) выдано в пересчете на серебро 1483 р. 28 коп. Поскольку им платили очень мало, можно привести и пример жалованья: мулла этой мечети получал 100 р. серебром в год. Думается, не будь пожертвований, такие траты вряд ли были бы возможны.

Непосредственное руководство работами осуществляли поенные инженеры Оренбургского отдельного корпуса; должность старшего инженера в период строительства исполняли подполковники Шарон и затем Тафаев. В распоряжении главному корпусному инженеру В.А. Перовскому предписывает поручить постройку «в искусственном и хозяйственном отношении поручику Синькову», надзор же за «правильностью, прочностью и чистотой в отделке» поручался архитектору Уральского войска Гоппусу. *(Последний больше, по-видимому, находился в Оренбурге, чем в Уральске. Ему поручался проект перестройки Вознесенской церкви в Гостином дворе; по его проекту строился дом военного губернатора, сейчас Советская, 2; предполагалось по его же проекту построено и здание, где помещается краеведческий музей).* В.А. Перовский также сообщает главному инженеру, что будущее здание по его приказанию «увеличено в длину и широту на два окна, для увеличения двора». Таким образом он оказался ко всему прочему и соавтором проекта, пусть даже в самой малой степени, а основное здание стало примерно на 5 метров длиннее по каждой из своих сторон.

Завершая разговор о строительных работах по Караван-Сараю, можно отметить, что состав строивших, руководивших и других, близко причастных к строительству, многонационален. Например, закупку шпиль для мечети и минарета сделал

командир сводного казачьего полка отдельного Оренбургского корпуса подполковник Назаров 2-й у московского купца Макарухина. Кроме упомянутых башкир и мещераков, которые составляли большинство, на строительстве были заняты и представители других национальностей. Непосредственно на строительных и отделочных работах заняты были, очевидно, преимущественно русские мастера.

АРХИТЕКТУРА

Комплекс Караван-Сарая состоит из основного корпуса, мечети и минарета; к основному корпусу с двух противоположных сторон примыкают хозяйственные пристройки, называвшиеся «черными дворами», где были конюшни, амбары, погреб.

Главный корпус имеет внутренний двор, полукруглый с одной стороны. В центре двора и одновременно на главной оси симметрии комплекса находится мечеть. На этой же оси, имеющей направление с северо-северо-востока на юго-юго-запад, со стороны въезда во двор поставлен минарет. Мечеть с минаретом ориентированы на Мекку. Соответственно ориентирован и весь комплекс. Выходящий на северо-северо-восток фасад самый протяженный. Его длина составляет 86 м 22 см. Ширина этого корпуса около 10 м. Оба примыкающие к нему крыла имеют длину 49 м 46 см и ширину 16 м. Объемы с южной стороны имеют длину 25 м 62 см и ширину 10 м 90 см. Высота главного корпуса до крыши 8 м 50 см.

Мечеть восьмиугольная в плане, 4 из ее граней параллельны стенам корпуса, поперечник - 12 м 79 см, высота от фундамента до верха купола 18 м 90 см. Минарет высотой 38 м 76 см.

О достоинствах и особенностях Караван-Сарая хорошо и подробно рассказал в своей работе «Караван-Сарай в г. Оренбурге» архитектор Барый Гибатович Калимуллин. Он выделяет как самое главное и наиболее ценное ансамблевое качество - «соразмерность отдельных частей комплекса, стройность общего силуэта, согласованность всей композиции». По форме здания сильно отличаются, но они соподчинены и дополняют друг друга. Хорошо сказано о развитии композиции в высоту: «С низких, горизонтально протяженных стен хозяйственных пристроек взгляд переходит к стенам основного здания и угловым башенкам над крышей, следует выше к куполу мечети, затем поднимается к минарету, его конусному завершению, шпилю и, наконец, уходит в необъятный простор неба».

Анализируя архитектурный образ Караван-Сарая, К.Г. Калимуллин приходит к заключению, что в нем отражена схема летнего башкирского аула. Ассоциацию с аулом усиливают возвышающиеся над крышей угловые башенки, которые напоминают легкие летние юрты.

Интерьеры основного корпуса предельно просты, никакой пышности нет и у фасадов. А.П. Брюллов полностью учел замечание В.А. Перовского о том, что мастера в Оренбурге редки и они очень дороги. Прямоугольные окна фасадов, как внешних так и дворовых, заглублены в нишах, имеющих трехлепестковые или килевидные арки. Это решение придает зданию восточный колорит. Внешние углы здания выделены сужающимися кверху ризалитами, каждый из которых завершен башенкой. Переход к ней решен расширяющимся кверху столбчатой фризом. Ризалиты с башенками расположены парно и выделяют также вход во внутренний двор.

Центральный элемент комплекса мечеть. Ее восьмиугольная форма необычна. В этой связи вполне обоснованным представляется объяснение, данное Б.Г. Калимуллиным в упомянутой работе, что А.П. Брюллов стремился придать мечети форму тирма (войлочная кибитка, юрта; ставилась как жилище старейшины в центре летнего башкирского аула). Об этом говорит не только общее сходство силуэтов и лаконичность архитектуры, но и отсутствие такого обязательного элемента здания, как михраб (молитвенная ниша, указывающая направление на Мекку, решается обычно апсидой - полуцилиндрический или многогранный выступ здания, которому внутри соответствует большой запад или ниша).

Конструктивно в мечети три элемента: восемь одинаковых стен, купол и контрфорсы по всем восьми углам, гласящие боковой распор купола. Большие стрельчатые окна придают зданию определенную легкость, а их арки служат для передачи давления купола на стены в углах здания, усиленных контрфорсами.

Если интерьеры главного корпуса предельно просты, то интерьер мечети был достаточно репрезентативен (сейчас он недоступен для обозрения, поскольку основная часть скрыта куполом планетария). Мечеть внутри представляла собой один обширный зал, лишенный мебели, только напротив входа, несколько правее оси, на которой стоит минарет, находилась деревянная кафедра с шатровым верхом, увенчанном шпилем с позолоченной луной. В обработке интерьера применены пилястры, играющие не только декоративную, но и конструктивную роль: они усиливают стены по углам здания. Карниз, разделяющий купол от стен, составлен из классических профилей или обломов. Капители пилястр являются одновременно пятами арок. Лицевая сторона их имеет форму неправильно пятигранника и, по (определению Е.Г. Калимуллина, напоминает нагрудник башкирки.

Большое впечатление производил интерьер купола, разделенный горизонтально на три части, верхняя из которых решена к виде синего неба. В центре его расположено сияние, лучи которого образуют восьмиугольную звезду, вокруг сияния 8 полумесяцев и множество восьмиугольных звезд. Все это позолочено. От середины сияния опускалась хрустальная люстра. В описании, помещенном в брошюре «Караван-Сарай», где, к сожалению, не указан более ранний источник, откуда оно взято, говорится: «люстра, ... убранный бесчисленным множеством небольших 6-ти-гранных хрустальных призм, такими же хрустальными частицами украшены богатые канделябры, утвержденные по углам стены. Солнечные лучи, проходя сквозь разноцветные стекла разных рам, принимают радужные различные тени и потом, переламываясь и отражаясь в несчетном числе этих кристаллов, производят необыкновенный эффект на посетителя». Описание это относится, вероятно, к последней четверти XIX в.

В средней части купола, разделенной на восемь полей радиальными тягами, размещены лепные узоры и большие восьмиконечные звезды в центре каждого поля. На стенах, оштукатуренных под мрамор, были помещены изречения из Корана - одно короткое над входом: «Во имя бога милостиваго». На остальных стенах семь изречений более пространных: 1. «Что было открыто тебе из книги Алкорана, будь постоянен в молитвах, зане молитва предохраняет человека от гнусных пороков и от стыдных деяний, и воспоминание Бога есть высочайший долг. Бог есть творимое всеми.» 2. «О, правоверные, когда позовут вас на молитву в день собрания, спешите к воспоминанию Божию и оставьте куплю, сие есть лучшее для Вас.» 3. «Когда слуги мои воспроят тебя обо мне, во истина яз сем ближе, яз услышу молитву, молящегося ко мне, зане внемлют мне и веруют в меня, чтобы могли быть наставлены на путь правый.» 4. «О, Господи, не допусти сердцам нашим удалиться от истины по данным нам наставлениям, пошли нам милость Твою от Тебя, зане если Податель милости, Господи, даждь нам благо в сей и будущей жизни и избави нас от огня геенского.» 5. «Во истину приносит от благочестиваго сердца тот токмо посещает храм Божий, кто верует в Бога и последний день постоянен в молитве раздаст милостыню и боится единого Бога, если может быть сотворится от тех кои руководимы прямо.» 6. «Во истину Бог повелевает быть праведным, творить дела благие и давать родственникам нужное. Он увещавает беззаконие, неправду и угнетение. Он увещавает вас не сопротивляться всем тем, да памятуете.» 7. «Исполняйте обет, данный вами Богу, не нарушайте клятв ваших, зане сотворили Бога свидетелем себе, во истину Бог знает сдываемое вами.» Тексты эти в свое время были выбраны муфтием и утверждены министром внутренних дел. Они приведены здесь полностью не только ради иллюстрации, но и для того, чтобы лучше можно было себе представить объем текста, который был дан лепным вызолоченным арабским шрифтом. Все это, к сожалению, утрачено.

Необходимо заметить, что в прошлом, когда строился и завершался Караван-Сарай, и затем вплоть до 80-х гг. XIX в., он производил несколько иное эмоциональное воздействие, потому что и окружение, и масштабность были другими. Это ясно выступает, например, в тех нескольких словах, которыми проезжавший осенью 1842 г. через Оренбург доктор философии и естествоиспытатель Теодор Фридрих Юл. Базинер характеризовал эту постройку: «взгляд невольно переводишь на другую сторону слева от дороги, где отдельно стоящее грандиозное здание приковывает его своей необычной красивой архитектурой». Теперь слово «грандиозный» вряд ли было бы применимо - изменилась среда. Комплекс стал и ниже по отношению к окружающей местности - к проезжей части улиц и тротуарам.

Интересен выбор места. Хотя город был еще крепостью, вопрос об упразднении которой еще не стоял, Караван-Сарай поставлен явно в расчете на то, что рано или поздно крепости не будет, город расширится и минарет мечети будет выполнять определенную градообразную роль: он поставлен точно в створе Введенской улицы (сейчас 9-го Января). Видимо, решая вопрос о месте комплекса, строители считали, что потомки выведут улицу прямо на Караван-Сарай. Так, к сожалению, не случилось.

ЧЕМ ОН БЫЛ И ЧЕМ СТАЛ

Два первых десятилетия после окончания строительства комплекс Караван-Сарая использовался в основном по своему первоначальному назначению. Уже к концу 1841 г. сюда перевели канцелярию командующего башкиро-мещеряцким войском, дали квартиры чиновникам и «команде башкир к 50 человек, посылаемых для несения службы».

Необходимо отметить, что мнение, будто во время управления военного губернатора В.А. Обручева «Караван-Сарай был отобран у башкир» представляется ошибочным. Сменивший В.А. Перовского на посту военного губернатора В.А. Обручев заканчивал начатое предшественником строительство. При нем же состоялось и торжественное открытие мечети. На плане Караван-Сарая, к сожалению, не датированном, но который по ряду признаков следует отнести к середине 50-х гг. XIX в., то есть ко времени второго периода управления Перовского, и даже более позднему времени, весь второй этаж занят управлением войска, в т.ч. квартирой «заведывающего башкирами» (около 3/4 северного крыла на втором этаже), квартирами старшего адъютанта и советника; на первом этаже, кроме всевозможных служб и управлений, указаны помещения старшего ахуна и азанчея, комнаты для башкирских мальчиков - чертежников, комнаты для башкирских мальчиков, обучающихся в Оренбургском уездном и приходских училищах. Есть здесь и казарма «для караульной и ординарской команды», и общая башкирская кухня. Все это почти не отличается от распределения помещений по выполненному еще в октябре 1836 г. согласно программе проекту архитектора М. Коринфского. Нет только специальных квартир для «приезжающих 20 чиновников» и «квартиры для рядовых чиновников» (на 28 кроватей), которые есть в проекте М. Коринфского, где зато нет комнат для башкирских мальчиков.

Принципиальные изменения в назначении Караван-Сарая могли произойти только после второго периода управления В.А. Перовского (1851-1857 гг.), не в его характере было отказываться от своих предприятий. Полностью, исключая мечеть, изменилось назначение Караван-Сарая после 1865 г. В связи с упразднением башкиро-мещеряцкого войска и особого управления башкирами, и передачей башкир из военного в гражданское ведомство, здание перешло к ведомству министерства внутренних дел. Оно передано было Оренбургской губернии, которая в 1865 г. отделилась от Уфы: с 1802 до 1865 г. Оренбургская и Уфимская губернии составляли одну, причем все гражданское управление находилось тогда в Уфе. В Караван-Сарае поместились губернские присутственные места, комиссия для размежевания башкирских земель, здесь же занял квартиру гражданский губернатор. Затем там же разместилась и открытая в 1865 г. губернская типография.

В связи с квартирой губернатора существует мнение, что сам генерал-губернатор стал жить здесь, то есть что Н.А. Крыжановский переехал сюда из дома на набережной. Это, по-видимому, заблуждение, так как еще на плане 1876 г. на набережной Урала здание, числящееся сейчас по Советской, 2, указано как дом генерал-губернатора. Гражданским же губернатором в эти годы был Бобарыкин.

Единственным объектом, сохранившим первоначальное назначение, осталась мечеть, и в этой связи в главном корпусе остались квартиры ахуна и азанчя. Но приход мечети изменился, она перестала быть соборной войсковой. По распоряжению начальства все мусульмане, жившие в Новой и Старой слободах, были отделены от Оренбургской соборной мечети (она находилась на Мечетном переулке, ныне Каширина) и причислены к Караван-Сарайской.

Башкиры не хотели соглашаться с утратой этой мечети, привыкнув считать ее своей. Стали собирать подписи под прошением, особенно активно сбор подписей проходил в Белебеевском и Стерлитамакском уездах, отошедших к Уфимской губернии. Было собрано около 10000 подписей, но совместными усилиями большого и малого начальства прошение осталось без последствий.

Вскоре генерал-губернатор Н.А. Крыжановский решил, что соседство губернских учреждений и мечети неудобно. В январе 1867 г. «прихожанам предложено перенести мечеть из здания губернских мест на другое место». Нашелся и подрядчик - киргизский (казахский) бий Баджан Джангильдин, который писал Н.А. Крыжановскому: «находя, что мечеть, построенная при Караван-Сарая слишком удалена от прихожан ее, проживающих в новой и старой слободах, и что она в то же время не может благоприятствовать здоровью прихожан в зимнее время - по неимению в ней печей, я, если угодно будет Вашему Высокопревосходительству, мог бы взяться перенести ее на более центральное место в новой слободке и устроить ее в более обширных размерах, с употреблением недостающего на то количества денег и собственности.» Из письма видно, что предполагалось фактически не возведение такой же мечети на другом месте, а строительство новой, большей. Смехотворен и один из предлогов: удаленность. Ведь мечеть как раз находилась между слободами, строительство ее в Новой слободке, тогда ограниченной линиями современных улиц Цвиллинга и Орджоникидзе, и доходившей приблизительно до Ташкентской, еще больше удалило бы мечеть от Старой слободки.

Генерал-губернатор обратился за разрешением к министру внутренних дел П.А. Валуеву с тремя письмами - двумя официальными и одним полуофициальным, где подробно объяснял мотивы переноса мечети. На первое письмо министр ответил отказом. В письме от 10 июня 1867 г. он замечает: «...имею честь уведомить Вас, м.г., что перенос с давних пор существующей, изящно построенной мечети, как изволили Вы выразиться во всеподданнейшем отчете, должен, по моему мнению, дать новую пищу магометанскому фанатизму, следовательно, скорей способствовать его возбуждению, чем ослаблению. По сему я с своей стороны полагаю бы оставить означенную мечеть с минаретом на месте ею ныне занимаемом» На остальные письма, посланные 6 и 12 июля, П.А. Валуев, возможно, не счел нужным отвечать, так как их нет в соответствующем архивном деле. Так и осталась мечеть рядом с присутственными местами, но совсем безоблачной жизнь прихода и служителей мечети после этого назвать нельзя.

В 1887 г. началось дело о прекращении, выделения квартир ахулу и азанчю в здании Караван-Сарая и возложения содержания их на прихожан. Основывались на том, что в 1865 г. ахулу и азанчю по Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета содержание и квартиры предоставлялись временно. С соответствующим отношением в МВД обратился губернатор Н.А. Маслоковец, где указывалось на значительную тесноту в здании, что, по-видимому, соответствовало действительности. Там помещались «1. Начальник губернии, 2. Губернская канцелярия, 3. Губернское правление с врачебным и строительным отделениями, губернская чертежная и архив,

4. Губернский прокурор, 5. Присутствие по крестьянским делам и при нем чертежная для размежевания башкирских земель, 6. Чиновник счетной и экзекуторской части губернского правления, он же смотритель здания Караван-Сарая и других казенных зданий, 7. Ахун мечети, 8. Азанчя мечети.» Там же находилась и губернская типография.

Переписка с министерством тянулась до 1892 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий в письме от 23 января 1892 г. подчеркивает, что от прихожан нужно согласие не только на содержание мечети, но и на содержание при ней духовенства. Ранее об этом же писал и министр. Прихожане же отказались составлять письменное заявление о согласии, поскольку в отдельном приходе не нуждались, как об этом сообщил рапортом полицмейстер. Так мечеть и ее священнослужители и остались на казенном обеспечении. Правда, квартира нового ахуна Мухамета Гайнетдинова оказалась меньше чем у его предшественника Файзарахмана Даутова. Все осталось по-старому до 1917 года.

После Февральской революции в Караван-Сарае поместился еще и комиссар Временного правительства. В это время башкиры снова подняли вопрос о передаче им Караван-Сарая. Проходивший 20-27 июля 1917 г. в Оренбурге Башкирский областной съезд, при обсуждении вопроса о возвращении «отнятых старым правительством башкирских имуществ и зданий», остановился в частности на Караван-Сарае и решил: «Караван-Сарай», как здание, построенное башкирами и медресками и исключительно на их средства и в 1865 г., несправедливо занятое тогдашним Генерал-Губернатором, Башкирский областной съезд объявляет национальной собственностью башкирского народа». После съезда состоялась манифестация, завершившаяся молитвой в мечети. 7 августа «Господину Министру Председателю» была послана просьба об утверждении решения съезда. Но Временное правительство вопроса не решило, да скоро его и не стало. Бурлили и кипели страсти в этом здании осенью 1917 г. На следующий день после вооруженного восстания в Петрограде 25 октября наказной атаман Оренбургского казачьего войска А.И. Дутов на совещании у губернского комиссара Временного правительства потребовал от меньшевиков и эсеров передачи власти в его руки. Здесь 14 ноября на заседании Оренбургского Совета рабочих депутатов по предложению С.М. Цвиллинга, назначенного Советским правительством комиссаром губернии, был создан Военно-революционный комитет, издавший приказ о переходе власти в его руки. Здесь же большинство членов Совета вскоре и арестовали по приказу Дутова.

После Октября, в январе 1918 г., член бывшего Башкирского областного Совета, один из четырех подписавших обращение от 7 августа 1917 г., Ш.А. Манатов, будучи членом Комиссариата по делам мусульман при Наркомате беседовал с В.И. Лениным по вопросу Караван-Сарая. Ленин поддержал просьбу башкир, и по его указанию в феврале 1918 г. Народный Комиссариат по делам национальностей принял декрет о передаче Караван-Сарая «в полное распоряжение башкирского трудового народа в лице областного Совета башкир».

В 1921 г. в здании Караван-Сарая открылся Башкирский педагогический техникум. Но типография продолжала оставаться в том же здании. С образованием Киргизской (Казахской) АССР она стала именоваться Русско-Киргизской типографией Госиздата. В 1924 г. в связи с территориальной отдаленностью от Башкирии здание Караван-Сарая было передано Оренбургской губернии. Педагогический техникум был оставлен в здании.

В 1927 г. над Караван-Сараем, как архитектурным комплексом, нависла угроза. Решено было: слить сады Караван-Сарая и К. Либкнехта и в «объединенных садах» устроить стадион. 6 апреля 1928 г. президиум Губисполкома утвердил данный проект, мотивируя свое решение тем, что 80% строительства уже произведено. К самому Караван-Сараю, оказавшемуся в центре сада, следовало сделать подъездные пути от улиц Караван-Сарайской, Цвиллинга, Суриной (так в решении, хотя улица уже с 1926 г. была переименована в ул. Постникова). То есть все провести через сад. Здесь уместно сказать, что еще

осенью 1925 г. в горсовете вносилось предложение о ликвидации сада, которое было утверждено им 5 февраля 1926 г., для того чтобы провести здесь мощеную улицу, что обошлось бы на 7000 р. дешевле, чем мощение параллельных улиц. Создается впечатление, что кому-то существование этого сада, заложенного еще в 1852 г., не давало покоя.

В 80% произведенных работ вошел, очевидно, снос ограды, образовывавшей полукруг перед минаретом, и разборка фонтана, который находился внутри нее. Дальнейшим работам в этом направлении помешало, к счастью, существование Башкирского педтехникума. Коллектив его занял твердую позицию, возражая против этого переустройства. В письме инспектора БНК РКК Бикбаева от 4 декабря 1928 года предлагалось прекратить работы. Он указывал на неодобрительное отношение к этому башкир, на то, что Караван-Сарай имеет музейную ценность, а произведенная «разломка ограждений сада и приспособлений фонтана противоречит требованиям закона об охране памятников старины»; писал он и о недопустимости устройства катка на братской могиле, где захоронены красногвардейцы, татары и башкиры, погибшие во время белоказачьего налета в апреле 1918 г. Это заявление, вероятно, остудило горячие головы, ломать и портить сад дальше не стали.

В 1932 г. горсовет передал мечеть Караван-Сарая Башкирскому педтехникуму под общежитие, как раз шла волна закрытия и разрушения культовых зданий. Одновременно решено было поставить вопрос перед Главнаукой об исключении мечети из списка зданий, имеющих историческую ценность. Имущество мечети изымалось в госфонд. По-видимому, после этого люстра, украшавшая интерьер мечети, была утрачена.

Башкирский педтехникум работал в этом здании до 1936 г. Последний набор учащихся в количестве 197 человек, 157 из которых были башкиры, а остальные татары, был произведен

на 1935/36 учебный год. Осенью 1936 г. Башкирский педтехникум в списках учебных заведений Оренбурга уже не числился.

После педтехникума комплекс перешел в военное ведомство, в ведении которого он оставался до 1960 г., когда его передали управлению геологии, которое его занимает и сейчас.

Постановлением СМ РСФСР № 1327 от 30.08.1960 г. комплекс Караван-Сарая включен в список памятников архитектуры республиканского значения. К сожалению, еще до этого, в 1954 г., в связи с устройством планетария в центральную часть комплекса внесено дополнение - мечеть соединена с минаретом чуждым комплексом одноэтажным объемом. В это же время произведены и изменения в интерьере мечети: сооружена небесная сфера, которая полностью скрыла не только купол, но и верхнюю часть стен. Таким образом этот памятник архитектуры производит не только иное эмоциональное воздействие, но существенная часть его вообще недоступна зрителю. Насущной необходимостью, наряду с передачей основного здания под культурный центр, является перемещение планетария в другую постройку и проведение квалифицированной реставрации мечети и минарета с безусловным сносом объема между ними. Промедление чревато дальнейшими невосполнимыми утратами.

Завершая сказанное о комплексе Караван-Сарая и возвращаясь к началу этих заметок, где Караван-Сарай назван символом города, можно несколько расширить или углубить смысл этого определения. В градостроительном плане Караван-Сарай - существенный элемент городского пейзажа, характерная деталь его силуэта. Минарет мечети играет существенную градообразующую роль. В историческом плане комплекс особенно интересен своей тесной связью с событиями 1917 года. Но еще одна черта позволяет назвать его символом города: строительство комплекса было таким же многонациональным, как и город Оренбург, таким он был и остается.

*В. В. Дорофеев,
историк-краевед,
почетный гражданин г. Оренбурга*